

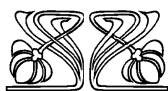
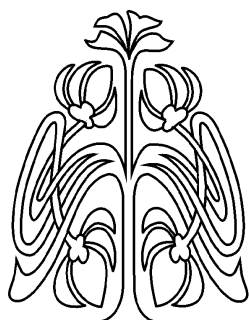
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

УДК 165

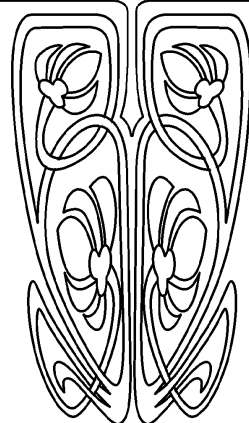
ЛИЧНОСТЬ В ГРУППАХ РИСКА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ (материалы круглого стола)

30 сентября 2008 г. на факультете философии и психологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского по инициативе кафедры теоретической и социальной философии состоялся «круглый стол», посвященный обсуждению междисциплинарных проблем личности в ситуациях риска, наиболее полно проявляющихся в группах риска. Сложные трансформационные процессы, вызванные неустойчивой финансовой, социальной, правовой политикой, новым переделом собственности и власти, усиливают масштабы социального неравенства, становятся питательной средой для новых групп риска, создают весьма противоречивый образ личности. Сказанное и обусловило актуальность и основную идею проведения «круглого стола» – объединить усилия специалистов-гуманитариев из разных областей в исследованиях поведения человека в микроструктурах социума, формирующих рискогенные практики. В работе «круглого стола» приняли участие ученые, аспиранты, студенты кафедр теоретической и социальной философии, психологии, педагогики, философии культуры и культурологии, философии и методологии науки Саратовского государственного университета.

Программным стало выступление председателя Саратовского отделения Российского философского общества, заведующего кафедрой теоретической и социальной философии профессора *В.Б. Устьянцева*, сформулировавшего цели, задачи и перспективы исследования. Он отметил, что тематика «круглого стола» является актуальной в следующих познавательных горизонтах. Во-первых, на факультете успешно формируются традиции междисциплинарных исследований человеческого фактора рискогенного общества. Философы, культурологи, психологи, педагоги обсуждали обозначенные проблемы на всероссийской конференции «Общество риска и человек в XXI веке» (Саратов, 2006), освещавшейся в центральных философских журналах. На факультете за последние годы проведено несколько республиканских и региональных конференций по концептам общества риска. В этой связи чрезвычайно интересным и плодотворным представляется совместное обсуждение проблемного поля, где рискогенный человек предстает в социальных микроструктурах социума, способных формировать групповые и индивидуально выраженные рискогенные практики. Именно в малых группах, как в социальных кристаллах, рассыпанных по всему планетарному пространству, высвечиваются первичные формы зарождения, восприятия и освоения рисков, которые нуждаются в научной рефлексии и гуманитарной экспертизе. Во-вторых, сочетание различных дисциплинарных методологий в исследовании взаимодействия рискогенной личности с социальной средой открывает возможности для «сильного» синтеза различных методологических установок в осмыслении рискогенной бытийственности современной личности. Традицион-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ные понятия социально-гуманитарных наук порой становятся малоприменимыми для осмысления многочисленных гуманитарных феноменов общества риска. Появляется новое семейство терминов, рожденных рискогенной повседневностью и фиксирующих изменение пространственной конфигурации групп риска (риск-солидарность, риск-сообщество, риск-статус, риск асимметричных ролей, риск общения, амбивалентный человек, территории групп риска и другие). Изучение коммуникационного пространства групп риска открывает новый горизонт сотрудничества гуманитариев факультета. На этом фоне могут появляться пионерские работы, весьма полезные для вузовских ученых различного профиля. В-третьих, обращение к проблемному полю личности в рискогенных микроструктурах общества перспективно с точки зрения общей стратегии формирования парадигмы общества риска. Обретенные современной западной и отечественной социологией, экономической теорией приоритеты изучения и концептуализации общества риска необходимо дополнить конструктивной междисциплинарной концепцией «человека риска». В противном случае образовавшийся интеллектуальный зазор между макросоциологической и антропосоциальной моделями общества риска может весьма негативно сказаться на институциональных средствах управления социальными, политическими, образовательными процессами в нашем обществе. Вполне естественно, что обозначенные цели и задачи «круглого стола» во многом совпадают с современным состоянием социально-гуманитарного знания, содержат долгосрочную перспективу и нуждаются в широкомасштабных исследованиях. Главное для участников данного малого форума – сделать первый шаг, а это значит – рискнуть пойти по тропинке, которая может привести к уже сформировавшемуся научному сообществу ученых-рискологов, уверенно обосновавшихся в мире проблем XXI в.

Последовавшие за этим сообщения специалистов-психологов преимущественно затрагивали вопросы, связанные с исследованием рискогенных микроструктур социума, конкретных групп риска и поведения личности в ситуациях риска. В своем выступлении «Ситуация риска и риски в ситуации» заведующая кафедрой психологии *Е.В. Рягузова* дала классификацию психологических рисков. В настоящее время риск является междисципли-

нарным понятием, науки, оперирующие этим понятием, выстраивают собственную концептуальную схему и фиксируют вполне определенную систему закономерных связей, рассматривая риск и как опасное условие, и как цель, и как средство деятельности, и как способ самоутверждения субъекта, и как потребность, и как ценность. Следует ввести в рассмотрение и психологический дискурс и в его рамках выделить две взаимопересекающиеся плоскости теоретической рефлексии, проанализировать ситуации риска и описать риски в ситуациях. При этом в первом случае мы имеем дело с социально-психологическим форматом, где риски институализированы, социально приняты, а иногда и социально обязательны, где они определяются и устанавливаются обществом, его нормами, конвенциями и ожиданиями, отчасти ограничивая свободу акторов. Во втором случае речь идет об индивидуально-психологической рамке, внутри которой субъект сам определяет границы «рискового», исходя из индивидуально-типологических и личностных особенностей, осуществляя альтернативный выбор субъективно определяемой ситуации, где неуспех связан не столько с физической угрозой, сколько с осознанием упущенной перспективы. Подобное рассмотрение позволяет сконструировать типологию рискованных ситуаций, основными типами которой являются: 1) допустимый риск, стимулируемый извне и формирующий норму риска как элемент социализации; 2) субъективный риск, обусловленный склонностью конкретной личности к риску и выступающий мотиватором, наличие и реализация которого является фактором субъективного благополучия и оказывается элементом ценностно-смысловой системы; 3) критический риск, перегружающий адаптационные, психологические и физиологические возможности и требующий от человека определенных нестандартных решений, самостоятельного переопределения ситуации, построения собственного алгоритма выхода из нее и принятия ответственности на себя; 4) катастрофический риск, связанный с вынужденным пребыванием в экстремальной, чрезвычайной ситуациях, детерминирующий психический и травматический стрессы. Приведенная типология, не претендуя на исчерпывающую полноту, позволяет перейти из области теоретического анализа в область прикладной психологии риска.

Выступление Э.М. Давидсона «Роль психологических защит в формировании преступного поведения» было посвящено исследованию конкретных рискогенных групп (преступников, совершивших корыстные и насильственные преступления) и затронуло тему самооправдания и внутреннего освобождения от ответственности за действия в ситуациях риска. Проведенное исследование показало, что значительная часть преступников имеет искаженное представление о значимости своей личности в криминальной рискогенной ситуации, что, по их мнению, делает неприменимым к совершенным им деяниям правовых запретов. Именно неадекватность восприятия своей роли в ситуации риска имеет существенное значение для формирования преступного поведения. В качестве психологических защит у совершивших насильственные преступления можно выделить «отрицание» («не замечай этого») и «проекцию» («обвини это»), направленные на непризнание совершения деяния, либо приписывание ответственности другим лицам соответственно. Психологическая защита обеспечивает сохранение человеком относительного внутреннего комфорта при нарушении им моральных и правовых норм, заглушает чувство вины. Полученные методики, как отметил докладчик, могут быть использованы при разработке программ социально-психологической коррекции, направленных на повышение способности в рискогенных группах выбирать средства реагирования, брать ответственность за совершенный выбор.

Выступление доцента кафедры психологии О.М. Гуменской «Тенденции формирования аддиктивного поведения молодежи в современном обществе риска» касалось исследования особой группы риска: молодежи с аддиктивным поведением, т.е. особым типом девиантного поведения с формированием стремления ухода от реальности путем искусственного изменения собственного психического состояния посредством приема психоактивных веществ или с постоянной фиксацией на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций. Исследования показали, что у подавляющего большинства наркоманов еще до знакомства с наркотическими веществами проявлялись те или иные психические аномалии, был сформирован определенный психотип. Это означает, что анализ личностных характеристик и выявление норм морали у подростков позволяет отнести неко-

торых из них в соответствующую группу риска и при соответствующем вмешательстве минимизировать риски аддиктивного поведения.

Выступление доцента кафедры психологии М.М. Орловой «Дисфункциональные семьи как фактор риска развития хронического соматического заболевания и нарушения социально-психологической адаптации больного подростка» затронуло проблему болезни как риска, выделило семейные факторы риска в отношении формирования нездоровья детей. Проведя анализ особенностей семей и стратегий реагирования в кризисных ситуациях больных хроническими заболеваниями, она отметила, что заболевание ребенка становится испытанием для семьи, а возникающая дисфункциональность семейных отношений может стать фактором, утяжеляющим течение болезни. Это означает, что семейно-обусловленное напряжение является одним из патогенетических факторов психосоматического нездоровья и усугубляет связанные с болезнями ситуации риска.

Выступления педагогов подняли чрезвычайно важную тему – тему педагогических рисков. Заведующий кафедрой педагогики профессор Г.Д. Турчин отметил, что педагогическая работа полна самых различных рисков. Риск педагогический, в его определении – это применение необычного метода или приема решения отдельной педагогической задачи при отсутствии полной уверенности в положительном результате, в случае, когда обычные меры оказываются неэффективными. Педагогический риск допустим при условии всестороннего анализа ситуации и индивидуальных особенностей и психического состояния личности обучаемого. В педагогическом категориальном аппарате содержится большое количество понятий, которые указывают на наличие педагогических рисков разной степени значимости: настроение, переживание, сопереживание, тревожность, аффект, фрустрация, утомление, депрессия, стресс, эйфория, агрессивность, кризис, девиантное поведение и другие. Педагогика реагирует на возникающие педагогические риски созданием новых отраслей: кондукционная педагогика (обучение детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями); коррекционная педагогика; валеология, или лечебная педагогика; превентивная педагогика, или педагогика принудительного исправления; реабилитационная педагогика; педагогика частных случаев. В последнее время интенсивно разви-

вается и педагогическая рискология – новое направление в педагогике, изучающее закономерности и механизмы принятия педагогических решений, необходимых для жизнедеятельности образовательных систем и получения планируемого результата с учетом всех затрат и рисков участников педагогического процесса.

Тему педагогических рисков продолжила доцент кафедры педагогики *О.Н. Лушникова* с выступлением «Современное образование: проблемы педагогических рисков». Педагогическая рискология определяет новое направление в педагогике, изучающее сущность педагогического риска как социально-экономического и психологического явления, а также общие закономерности педагогической деятельности в ситуации неизбежного выбора. В педагогике прочно обосновалось представление о риске как действиях субъекта, предпринимаемых в зависимости от соотношения «оправданность-неоправданность». Мотивы педагогических рисков могут быть разными: ради внедрения нового, из чувства долга, престижа, славы. Значительное место в современной педагогике занимает аналитико-нормативный анализ рисков и решений организационно-управленческих задач. Педагогический подход к изучению рисков связан с особенностями педагогического риска как специфической формы профессиональной деятельности и отношения педагога к действительности. Работа педагога носит творческий характер, а творчество сопряжено с рисками, поскольку предполагает наличие вариантов и выбора между ними. Наибольшее значение в педагогической рискологии имеют личностный, физический и технологический риски.

Широкий круг проблем, связанных с парадигмой «общества риска», очертили выступления философов. Профессор *В.Б. Устьянцев* сделал сообщение на тему «Амбивалентность человека в группах риска». Он отметил, что актуальным представляется поиск онтологических и концептуальных оснований в исследовании непрерывно пульсирующей и расширяющейся рискогенной реальности, в которой оказывается личность XXI в. Рискогенные микроструктуры современного социума, наделяя акторов групп риска разными стандартами рискогенного поведения, все новыми стереотипами восприятия риска, по-видимому, формируют пока еще малоизученные амбивалентные свойства поведения личности в рискогенном

пространстве. Если устойчивые первичные и вторичные малые группы во всех сферах общества находятся в поле влияния стабильных цивилизационных и социокультурных факторов, символизирующих порядок и устойчивость социальных структур, то группы риска, превращаясь из временных, эпизодических микрообразований в обширные территории социального риска со своими субкультурами и утверждающимся менталитетом, создают оппозицию прежней институциональной реальности. Новые группы риска в своей массе объективно движутся к постиндустриальной реальности, где ценности свободы удивительным образом сочетаются с угрозой приватной безопасности социально гарантированному жизненному пути. Задаваясь вопросом о бытийственных особенностях личного существования в группах риска, можно обратить внимание на появление амбивалентного начала как в самой организации рискогенных структур, так и в поведенческих практиках индивида в группах риска. Амбивалентность связана с центральными человеческими оппозициями в жизни личности, где существуют взаимоисключающие эмоциональные установки, ценности, интересы, где одна и та же социальная роль, выполняя позитивные функции, при изменившихся обстоятельствах становится дисфункцией. Укорененные в человеке противоположные стремления к риску, с одной стороны, и к порядку, с другой, в группах риска часто приобретают деструктивную направленность, и, наоборот, в изменившейся среде, в группах с конструктивной направленностью формируют прямо противоположные личностные установки. Смена социальных ролей лишь частично снижает состояние амбивалентности. В обществе риска личность стремится по-своему преодолеть раздвоенность, незавершенность, приобрести инобытие путем освоения новых социальных ролей и статусов. Современное общество стоит на пороге появления массового «человека риска», и пока остается загадкой, как поведет себя этот человек в рискогенной реальности постсовременного мира.

Культурологический аспект рассматриваемой тематики был освещен в выступлении профессора кафедры философии культуры и культурологии *Е.В. Листвиной*. Культурологическое осмысление рисков, подчеркнула она, может оказаться полезным в разрешении рискогенных ситуаций. Так, исследование ментальных оснований и архетипических образцов

человеческого поведения помогает построить оптимальные модели выхода из рискогенных ситуаций. Ею был выделен особый круг вопросов, который при решении рискогенных ситуаций должен опираться на национальные, этнические модели культуры. Так, даже определение кризисных моментов в разных культурах имеет различное смысловое наполнение. Для сравнения, кризис в европейской культуре интерпретируется как переходный этап, а в китайской культурной традиции – как сопряжение опасности и возможности. Сформированные в этих моделях подходы к оценке ситуаций как рискогенных, кризисных или, наоборот, оптимальных (с позиций конкретных культур, их исторического, ментального, бытийного опыта) могут расширить разрабатываемые современной рискологией сценарии оптимизации рискогенных ситуаций. Автор наметила и оригинальный подход к исследованию рискогенных ситуаций, в котором помимо активных участников, «рискующих», следует принимать в рассмотрение и пассивных участников, «рискуемых», т.е. тех, кто оказался в ситуациях риска помимо своей воли, лишен выбора, возможности принимать решения. Поскольку «рискуемых» зачастую оказывается много больше «рискующих», то проблема исследования моделей их поведения и возможных защит оказывается чрезвычайно актуальной.

Профессор кафедры теоретической и социальной философии *В.П. Барышков* выступил с темой «Риск как угроза, мотив и стимул». Он обратил внимание на скрытую в рисках дихотомию. С одной стороны, риск как действие, как ситуация грозит ущербом либо непосредственно субъекту рискованного действия, либо причастным к нему людям, организациям, социальным сообществам. С другой стороны, риск обещает и выгоду, выигрыш, успех. Особенно угрожающими, опасными для людей и общества становятся необдуманные риски, рискованная деятельность без учета совокупных интересов личностей, оказывающихся в ситуациях риска, а тем более их полное игнорирование. В этом случае риск становится только угрозой. Выступающий особо подчеркнул, что общество должно создать правовые механизмы, позволяющие регулировать общественные рискогенные ситуации и минимизировать риски.

Онтологическому анализу рисков было посвящено выступление доцента кафедры фи-

лософии культуры и культурологии *Н.А. Акимовой*, предпринявшей попытку различения понятий «ответственности» и «ответа» в ситуациях риска. Ситуация риска обычно предстает как социальная ситуация, в отличие от ситуации вообще, ситуации онтологической. Рассматривая ситуацию риска именно как онтологическую, следует выделить основной вопрос, который при этом возникает: каким оказывается возможный ответ в моделируемых или уже наличных ситуациях риска? В зависимости от ответа на данный вопрос *Н.А. Акимова* предложила классифицировать риски. Риск может рассматриваться как ценность (риск ради риска); риск может осуществляться ради определенных ценностей; вынужденный риск представляется как искушение и как преодоление. Такая классификация рисков может быть полезной при социальных и онтологических исследованиях различных рисков и групп риска.

В своем выступлении «Социальные контуры вкуса и риска» профессор кафедры теоретической и социальной философии *О.Ф. Филимонова* обратила внимание на соотношение категорий «эстетическое» и «рискованное». В общем плане, указанная проблема сводится к осмыслению способов ориентации человека в современном обществе и культуре. В более узком смысле – к выявлению корреляции между эстетическими компонентами сознания и стратегиями поведения в условиях риска, исследованию границ и форм эстетического восприятия в порядке конкретной социокультурной среды, в процессах формирования качественной архитектоники жизни. В рамках общей проблемы возникает ряд вопросов: каким образом такое сугубо субъективное образование как эстетический вкус может проявлять себя в тех же пространствах, что и риск; в каких формах это возможно, и какие ресурсы культуры и человека здесь оказываются востребованными и задействованными? Для построения этой перспективы следует исходить из допущения, что в условиях потенциальной рискогенности жизненного пространства закономерно вести разговор об индикаторах ситуации риска. Специфической философской позицией является признание того обстоятельства, что, описывая риск, мы одновременно описываем и некоторые эстетические феномены. Можно предположить, что в этом смысле внимание к вкусу оправдано, поскольку вкус как суждение реф-

лексивного типа является своеобразным, однако традиционным инструментом для отражения характера эпохи. Вкус как способность к отбору воздействует на формы решений. Вкус, как и риск, неотделим от когнитивной сферы – познания, рефлексии, расчета. Поэтому вкус способен обеспечивать зоны безопасности, он имеет решающее значение при определении уровня опасности и самой необходимости риска. В этом случае происходит разворот эстетической рефлексии в сторону этической.

Выступление профессора кафедры филологии и методологии науки *В.В. Афанасьевой* касалось перспективных методов рискологии как междисциплинарной науки. Рассмотрение риска как выбора позволяет привлечь к его исследованиям новейшие результаты, полученные в естественных и точных дисциплинах. Известно, что события оцениваются как рискованные, если их последствия не удается предсказать, поэтому прогноз исходов событий позволяет минимизировать риски. Если считать пространством риска социальные системы, то следует отметить, что последние относятся к классу нелинейных систем, существенными универсальными свойствами которых являются принципиальная сложность поведения, поливариантность развития, закономерные метаморфозы (бифуркации, кризисы), хаотическая динамика. Именно универсальность поведения нелинейных систем позволяет описывать системы разной природы одними и теми же математическими моделями. В нелинейной динамике, синергетике, теории систем, теории катастроф, теории оптимизации, теории принятия решений, теории игр, теории организованной критичности существуют специальные методы, позволяющие определить вероятность наступления внезапных и опасных событий. Этими науками уже оцениваются вероятности и последствия биржевых крахов, рыночных кризисов, экологических катастроф, эпидемий, политических инцидентов, их результаты при неко-

торых условиях могут быть применены и к гуманитарным системам, например, при оценке эстетических и этических последствий. Особенно важным и оправданным применение подобных методов оказывается в глобальных ситуациях риска, связанных с развитием социума как целого и отдельных значимых его подсистем, но в ряде случаев риски можно оценить и в социальных микроситуациях. Помимо предсказания вероятных исходов событий нелинейная динамика и синергетика позволяют решить и еще ряд важных задач: исследовать механизмы возникновения рискогенных ситуаций, классифицировать их по существенным свойствам, дать рекомендации по избежанию кризисных ситуаций, а значит, и рисков. Постоянное усложнение динамики социума, рост числа катастроф, кризисов, рискогенных ситуаций делают синергетическое исследование рисков весьма важным и актуальным. Однако для минимизации рисков, для защиты человека и человечества предсказания исходов катастроф и исходов рискогенных ситуаций недостаточно, необходимо, чтобы результаты междисциплинарных исследований были восприняты человеком именно как действенный способ защиты.

Все выступления вызвали значительный интерес участников, обсуждение сообщений вылилось в плодотворную дискуссию. В своем заключительном слове профессор В.Б. Устьянцев подвел итоги дискуссии, подчеркнул, что проведенная междисциплинарная встреча оказалась чрезвычайно полезной и способствовала решению поставленной задачи: сочетанию различных дисциплинарных методологий в исследовании взаимодействия рискогенной личности с социальной средой. В полном объеме материалы дискуссии будут опубликованы в специальном научном сборнике, посвященном 100-летию Саратовского государственного университета.

Е.В. Листвина, В.В. Афанасьева